Л. Г. Емельянов

Зеленые оборотни

Леонид Григорьевич Емельянов
Зеленые оборотни. Рассказы о хищных растениях

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21636599
Зеленые оборотни : рассказы о хищных растениях / Л. Г. Емельянов: Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2015
ISBN 978-985-7058-28-0

Аннотация

То, что животные поедают растения, принимается как само собой разумеющееся. В природе это обычное явление. Мысль «А может ли быть наоборот?» кажется кощунственной и вряд ли кому приходит в голову. Но ученые знают: такие чудеса тоже есть. О них и идет речь в настоящей книге.

В них рассказывается о растениях-охотниках, способных захватывать и потреблять в пищу комаров, мух, стрекоз, всевозможных жучков и даже (в тропическом поясе) мышей, крыс, птиц и лягушек; о подводных и подземных зеленых хищниках, о хищных грибах и о многом другом.

Отдельные главы книги посвящены тайнам зеленых капканов и причинам возникновения феномена плотоядности. Рассматривается роль этих чудо-растений в природе и в жизни человека, а также необходимость их охраны. Ведь на Земле это

такие же древние редкости, как и динозавры. Только те давно вымерли, а эти продолжают жить. И многих можно увидеть своими глазами.

Книга адресована школьникам, студентам, преподавателям и всем, кто интересуется природой.

Содержание

ОТ АВТОРА 6
ДРЕВО СМЕРТИ: мифы и явь 11
НОВЬ СТАРОЙ ЛЕГЕНДЫ 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Л. Г. Емельянов

ЗЕЛЕНЫЕ ОБОРОТНИ

Рассказы о хищных растениях

© Емельянов Л. Г., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

ОТ АВТОРА

Кто из нас не помнит популярное в школьные годы стихотворение А. С. Пушкина «Анчар»? Диковинное название его несет в себе некую тайну. С головой захватывает сюжет. Ощущение необычного чувствуется с первых же строк:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Стихотворение посвящено смертельно опасному дереву (сам поэт в сноске называет его «древом яда»). Никто не спешит в его заманчивую тень, обещающую столь желанную среди царства зноя прохладу. Зловещая слава гонит от него все живое. Но послушаем лучше самого Пушкина:

К нему и птица не летит
И тигр нейдет – лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

Уверен, что по силе воздействия это и сейчас любимое стихотворение многих школьников. Оно будит воображение и сразу же вызывает вопрос: что это? Волшебная сказка, к

которой был неравнодушен поэт, или все-таки быль? Хотя и жестокая. Мало ли сюрпризов у шаловливой природы!

Образ грозного анчара как живой вставал когда-то и перед моими мальчишескими глазами. В него и верилось и не верилось. У нас на Смоленщине (это я знал доподлинно) подобного дива не водилось. Ядовитые местные растения – волчье лыко, вороний глаз, чистотел, болиголов, ландыш – не шли ни в какое сравнение с воспетым поэтом монстром. Мы знали, что они опасны для здоровья, но не в такой же степени! Ведь к анчару, судя по словам Пушкина, достаточно приблизиться – и обеспечена верная смерть. Воистину зеленый убийца! Но дерево это поэт поселил в сказочно далекую знойную страну. И так отчаянно хотелось там побывать…

Мечта о поездке в жаркую пустыню сбылась лишь в 1986 году, когда я уже стал биологом. Но речь сейчас не об этом. Тем более что никакого анчара там я не нашел. Его и быть здесь не могло при неимоверной жаре и сухости. Самое большое дерево, которое я там увидел, – саксаул. Высотой не более 4–5 метров и абсолютно безвредное.

Совершенно забыв об анчаре, я углубился в свои исследования. В сферу моих научных интересов входили вполне прозаические растения: ячмень, пшеница, овес и другие хлебные злаки. Меня интересовал их водный режим и экологическая стойкость. И вот однажды, просматривая новинки литературы в данной области, неожиданно обнаружил: легенда о кровожадных зеленых злодеях жива и поныне. В па-

мяти вновь ожил образ основательно забытого страшного анчара. Это становилось занятным, и я «копнул» глубже. В результате родилась вот эта книга. Книга о плотоядных растениях (в литературе их называют также насекомоядными растениями, растениями-хищниками, зелеными охотниками и т. д.).

В данной книге рассказывается об удивительных созданиях природы, которым присущ уникальный, ни у кого больше не встречающийся способ питания, сочетающий одновременно растительный и животный типы. В биологических руководствах о них пишут как-то вскользь, ставя их на второстепенный план, и чаще всего – мелким шрифтом. Как будто сами ученые стесняются когда-то открытых ими уродцев в обличии растения, но с повадками зверя.

Автор попытался исправить эту несправедливость.

Растения-охотники, несомненно, достойны внимания и уважительного к ним отношения. И не только как оригинальные ботанические виды и объекты для исследования. Они – неотъемлемая равноправная частица живого царства, в котором ничего не бывает лишним. Всякий организм в нем – это маленькая вселенная со своими неповторимыми особенностями и множеством неизвестного. Что хранится в ее тайниках? Какая роль возложена на нее Всевышним? К каким потерям для природы и человека может привести ее исчезновение? Этого до конца не знает никто. Английский ученый Джон Леббок как-то сказал: «Нет животного или расте-

ния, изучению которого не стоило бы посвятить, я не говорю день, но даже целую жизнь».

Это в полной мере относится и к зеленым хищникам. В книге рассказывается об уже известных науке тайнах этих растений. Но сколько открытий может еще ждать нас впереди!

Необычная жизнь зеленых оборотней удивительна сама по себе и привлекает многих: как биологов, так и неспециалистов. Колоритное стихотворение Пушкина вкупе с народными легендами только усиливает этот интерес. Тема растительной плотоядности (или насекомоядности, как чаще пишут в научной литературе) занимала в последние годы даже К. Э. Циолковского, основоположника современной космонавтики. Он называл такие организмы «полурастениями» и интересовался проблемой их происхождения. Еще один великий талант, немецкий писатель и мыслитель И. В. Гёте, увлекшись ботаникой, сумел даже сделать открытие в данной области. Какое именно? Пусть об этом читатель узнает сам, познакомившись с содержанием предлагаемой ему книги.

Она рассчитана на тех, кто любит мир растений, кому небезразличны его многоликая красота и величие, кому мила и дорога живая природа. Ведь и в наш многое повидавший век она по-прежнему полна чудес. Да еще каких!

Учитывая повышенный интерес читателей к первому изданию книги, она выпущена на сей раз большим тиражом и

дополнена новыми материалами.

ДРЕВО СМЕРТИ: мифы и явь

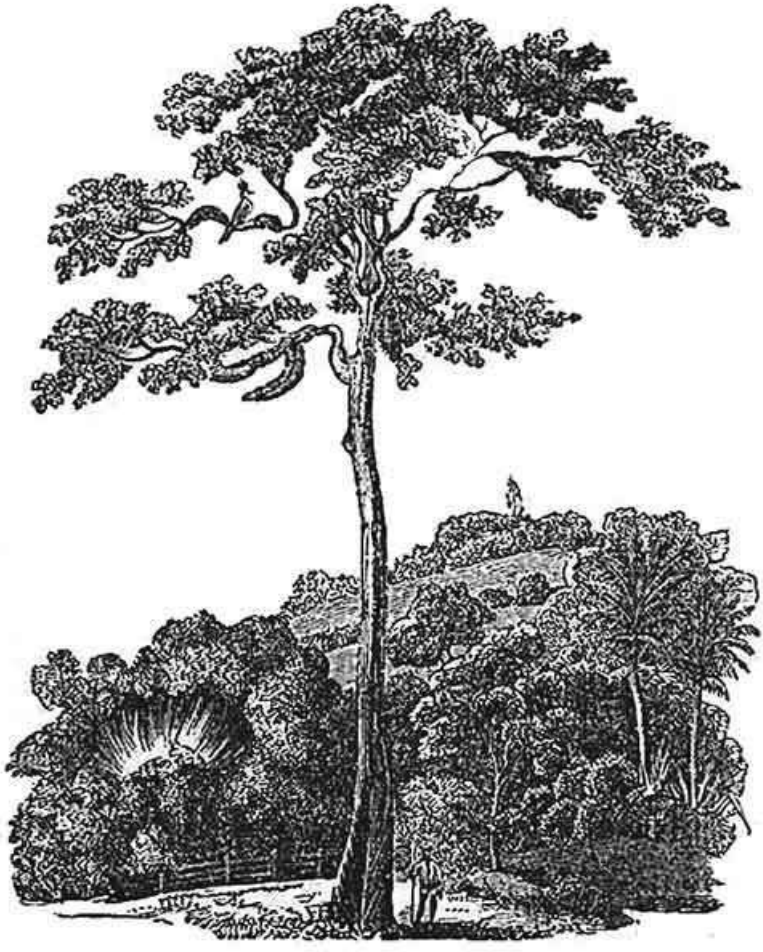
Порой в великой книге тайн природы
Мне удается кое-что прочесть.
Уильям Шекспир

Вернемся к знаменитому стихотворению.

Начало мифам об ужасно ядовитом пустынном дереве положил доминиканский монах Иордан Кателоки еще в 1330 году. С тех пор их количество только увеличивалось и обрастало все более устрашающими подробностями.

К тому времени, когда Пушкин стал писать свое стихотворение (опубликованное в 1828 году в альманахе «Северные цветы» под названием «Анчар, древо яда»), ему не надо было особенно и фантазировать. Упоминания о жутком дереве с таким именем уже имелись в научных источниках. Вот как, например, описывал анчар в середине XVII века голландский ботаник Г. Румпф (в ряде работ пишется Румпфий, Румфиус. – *Прим. автора.*): «Все, чего коснутся его испарения, гибнет, так что все животные его избегают и птицы стараются не летать над ним, ни один человек не осмелится приблизиться к нему, разве что руки, ноги и голова будут защищены толстой тканью». Исключение существует лишь для василиска. Только эта безобразная ящерица, по его мнению, может безнаказанно жить под деревом смерти. Как не

поверить авторитету ученого! Но откуда он мог взять такие сногсшибательные подробности?



Знаменитый анчар

Здесь уместно вспомнить чуть-чуть историю.

Это была эпоха колониальных войн, в которых особенно отличилась хорошо вооруженная Голландия. Она силой захваты вала не только близлежащие чужие территории, но и посылала свои корабли даже к далеким островам Азии, пытаясь ими завладеть. Поразительнее всего то, что Малайзия, против которой велась основная борьба, в 60 раз превышала территорию своей обидчицы по площади и во много раз по населению. Но сила была не на ее стороне.

Аборигены, защищаясь, оказывали яростное сопротивление. В сражениях с ними войска несли огромные потери от, казалось бы, пустякового оружия – самодельных бамбуковых копий и стрел. Заряженное сильнейшей отравой, разило оно наповал. Проходили столетия, а европейцы никак не могли постичь секрет смертоносного яда, чтобы успешно ему противостоять. Туземцы умели хранить свои тайны. Особенно те, которые облегчали им тяжесть борьбы за существование. Более того, они умышленно нагоняли страх на тех, кто ими интересовался.

Пугающая информация, естественно, доходила и до воюющих голландских солдат. Они были уверены, например, что одна лишь ветвь ядовитого дерева яванских джунглей, заброшенная на их сторону, в состоянии погубить целый лагерь.

Чтобы ускорить порядком затянувшуюся разгадку тузем-

ной отравы, к работе стали привлекать естествоиспытателей. Но в боевой обстановке, да еще на чужой территории, не так-то просто проводить какие-то изыскания – любой европеец мог получить здесь метко посланную из засады пулю или стрелу.

Вряд ли занимался ими и отправленный с этой целью в Малайзию Румпф. Как считает американский дендролог Эдвин Менninджер (здесь и далее мы ссылаемся на его сведения. – *Авт.*), красочно описанное голландским ботаником опасное дерево тот на самом деле в глаза не видел, хотя и провел в этой островной стране долгие 15 лет. Проваливалось порученное ему важное задание, и в поисках хоть какой-либо информации о зеленом убийце Румпф стал методично досаждать расспросами местного губернатора.

Насколько тот разбирался в ботанике, трудно сказать. Судя по приставке к должности (генерал), ему и не требовалось ее знать. Но слухи о страшном дереве до него наверняка доходили. И любознательность настырного голландца была однажды им сполна удовлетворена. Анчар он описал в самых мрачных красках. Для пущей убедительности ботанику осторожно вынесли и дали подержать в руках наглухо закрытый (как же иначе, если внутри таится смерть!) бамбуковый цилиндр, в котором якобы находилась веточка этого ядовитого дерева. Впечатлительному ученому показалось, что он ощутил при этом легкое покалывание, схожее с реакцией переохлажденной ткани на тепло. И сделал вывод: от яда анчара

полностью не спасают даже прочные стенки. Он проникает через них и воздействует на кожу.

Написать отчет теперь уже не составляло труда. Понятно, что в основу его легли весьма сомнительные материалы (за что купили, как говорится, за то и продали). Перепроверить полученные сведения не удалось. Да и не хотелось. Кому охота встретиться при этом с воинственно настроенными туземцами, рискуя собственной головой.

И байка пошла гулять по белу свету, обрастая по пути новыми живописными подробностями. К XVIII веку они стали настолько устрашающими, что не выдержали уже англичане. Они организовали собственную проверку. Но и она не дала нужных результатов. Полученные ими сведения оказались еще более фантастическими.

В конце XVIII века на Яве побывал еще один голландский естествоиспытатель – Фёрш, врач по профессии. Ничего путного в отношении яда он тоже не разузнал, хотя и написал о своей поездке пространное сочинение. В нем он подтвердил ботаническую сказку своего соотечественника. Вот что утверждалось в его труде: «Здесь внутри острова растет опаснейшее дерево, которое убивает не только коснувшихся его, но и всех, которые осмелятся к нему подойти на значительное расстояние. Даже на окружающие его растения действует оно убийственно, почему и стоит одиноким посреди пустынной долины, окруженное вокруг на три мили лишь костями зверей и человека». В этой зоне нет даже ни мышей,

ни крыс, ни паразитов. Неосторожно подлетевшая птица тоже находит здесь погибель.

Один из таких же незадачливых путешественников, по словам исследователя растительности Малайского архипелага профессора В. М. Арнольди, пошел еще дальше в своих фантазиях. Он увеличил радиус поражающего действия анчара до 15 миль. «Вся эта пустынная местность, – утверждал он, – настоящая долина смерти!»

Тут перемешана правда с вымыслом. Дело в том, что на Яве и впрямь есть места массовой гибели животных и птиц, иногда находят здесь смерть и люди. Но гибнут они по другой причине – от ядовитых выделений из вулканов и трещин земли. Главным образом от углекислого газа и паров серы, которые скапливаются в понижениях рельефа. Доказал это в 1837 году У. Х. Сайкс, который посетил одну из так называемых долин скелетов. Он оставил здесь на ночь собак и кур, а наутро обнаружил их мертвыми.

Ущелья и долины смерти есть, кстати, также в США, Италии и даже на российской Камчатке – на территории Кроноцкого заповедника. Но «злокозненные» деревья тут тоже ни при чем. В колорадской смертоносной зоне, например, одно время массово (стадо за стадом) гибли овцы и другие домашние животные. От земли здесь исходил неприятный запах, напоминающий чесночный, а цветы пахли испорченными яйцами. Виновником же трагедий оказалась почва, сильно зараженная ядовитым селеном. Из почвы он поступал в

растения и дальше по экологической цепочке в тела различных животных. Концентрация его в клетках всего лишь в 0,001 % делала растения опасными для жизни.

В Камчатской долине смерти (наиболее опасный ее участок размером всего 50 на 100 метров), помимо двуокиси углерода, сероводорода, сероуглерода и некоторых других вулканических газов, в приземном слое воздуха в 1982 году были обнаружены высокотоксичные цианистые соединения. Они вызывали гибель даже таких крупных и подвижных зверей, как медведи и росомахи. Растительности же здесь почти нет вообще.

Вернемся, однако, к сочинению Фёрша.

Зловещая слава о дереве-убийце, казалось бы, должна была вмиг образумить других любопытных и остановить смертельно опасные к нему походы. Ведь людская молва о леденящих кровь событиях распространяется мгновенно. А вояжи к гибельному растительному объекту, как ни странно, продолжались. Об этом свидетельствуют рисунки тех лет: под древесной кроной зеленого душегуба, наряду с животными, разбросаны явно и человеческие кости. Причем в великом множестве. Как объяснить людское безрассудство?

Оказывается, очень просто, если верить Фёршу. Он терпеливо разъясняет загадку костных нагромождений: это, якобы, останки преступников, приговоренных за свои злодеяния к смерти. Их принудительно приводили сюда и давали весьма своеобразный шанс выжить. Надо было исполнить

лишь единственное поручение местных повелителей: сходить к упасу (туземное название ядовитого дерева) и набрать из него яда для обработки стрел. Ну а там уж как кому повезет.

Здесь и дальше любопытно проследить развитие событий в ботаническом сочинении и в стихотворении Пушкина. В поэтическом изложении они выглядят так:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Сходство в действиях, как видим, почти полное.

Исследуем далее.

У Фёрша: в случае благополучной доставки опасного груза осужденных ждало прощение. Но счастье улыбалось немногим. Назад возвращался лишь один человек из десяти (от такого счастливца голландец, по его словам, и узнал о свойствах дерева). Остальные погибали от вредных испарений. От полутора тысяч загнанных сюда людей в живых через два месяца осталось не более трехсот. Спастись от летучей смерти, как свидетельствуют и другие источники такого рода, можно было только при попутном ветре, который дул бы в сторону упаса и, следовательно, относил бы от человека ядовитые газы.

Румпф, если вспомнить его труд, вообще рекомендовал

подходить к дереву, лишь основательно подготовившись: закутав голову, руки и ноги платками. Иначе смельчака поразит жестокий озноб и он упадет тут же без сознания. Дальнейшее нетрудно представить.

Пушкин же рисует финал следующим образом:

Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Как видим, путник у него, набрав смертоносного яда, все же возвращается и умирает не сразу и не у дерева. Но грозный образ анчара от этого не только не меркнет, а проступает с еще более потрясающей силой.

Сочинение голландского хирурга, несмотря на отдельные случаи неодобрения со стороны современников (некоторые прямо называли это ложью), было переведено на многие языки. Приведенные в нем сведения мало-помалу проникли во все европейские руководства по естественным наукам и долго еще будоражили умы. Неудивительно, что каким-то образом эта ботаническая сказка дошла и до Пушкина.

Соблазнился увлекательным материалом и Томас Майн Рид, автор многих приключенческих романов. В книге «В дебрях Борнео» он посвятил данной теме целых три главы. Удивительные события происходят у него под большим деревом, где останавливаются потерпевшие кораблекрушение

путешественники. Они разжигают там костер, чтобы приготовить ужин.

Дерево выглядит густым и развесистым, с ярко-зелеными глянцевитыми листьями, образующими сплошной шатер. Лучшего места для отдыха невозможно и придумать. Но очень скоро все пятеро чувствуют странную дурноту, которая выражается легким головокружением и подташниванием еще во время ужина. Тошнота постепенно усиливается, сопровождаясь все более частой рвотой. Затем начинается бред.

Совпадение сроков недомогания с окончанием еды невольно наводило на мысли, что в пище (мясе убитых накануне птиц-носорогов) оказался какой-то яд. Майн Рид пишет: «Время от времени то один, то другой, не находя себе места, поднимался с земли и брел куда-то. Но и это не помогало. Тошнота, то и дело пере ходившая в рвоту, продолжалась, голова кружилась, а ноги так дрожали и подкашивались, что, сделав несколько шагов, человек в изнеможении падал, моля Бога о смерти, которая положила бы конец всем их страданиям».

Спасение пришло с рассветом. Наблюдательный малаец, волею судьбы оказавшийся в их компании, внимательно посмотрел вверх, на крону, и все понял: источник яда не пища, а приютившее их на ночь дерево. Это был печально известный среди местного населения анчар. Люди дышали его отравленными испарениями, а дым от продолжавшего го-

реть всю ночь костра лишь усиливал их действие.

В конце рассказа писатель как бы приоткрывает завесу над тем, что было общеизвестно в его времена о зеленом отравителе: «Кто из путешественников после того, как его судно избороздило все моря вокруг островов Малайского архипелага, умудрился бы не знать, что такое анчар! Пожалуй, в целом мире нет уголка, где бы люди не слыхали об этом дереве, отравляющем все живое своим ядовитым дыханием: даже трава, и та не растет под ним».

Нарисованная метким пером прозаика картина сродни пушкинской. Иначе и не могло быть. Майн Рид руководствовался аналогичными источниками: рассказами бывалых путешественников и очень похожими на них сообщениями тогдашних ученых. И те, и другие в XVIII, а многие еще и в начале XIX века свято верили в необычайную ядовитость упаса. Тем более что само слово это по-малайски означает «яд».

Многие мифы рухнули, когда анчаром занялись серьезные исследователи. Первым точную характеристику его дал в 1804 году французский ботаник Лешено де ла Тур. А спустя три десятилетия с небольшим, в 1835 году, другой европейский ботаник, знаток яванской флоры Ц. Блюм (иногда пишут – Блюме) подробно описал его в своем научном атласе. И поместил в нем прекрасный рисунок анчара – настоящего, а не вымышленного, растущего прямо на кофейной плантации. Самое интересное, что под ним стоит живой человек без всякой тени страха на лице. Как будто это самое

обыкновенное дерево. А на ветвях преспокойно сидят птицы и не падают вниз мертвыми, «жертвами яда», как утверждал еще Фёрш.

Задержись Пушкин с написанием всего на 7 лет, и он узнал бы правду о воспетом им древесном монстре. Но тогда бы, возможно, и не родился замечательный шедевр, который до сих пор волнует наше воображение.

Стихи об анчаре, кстати, за 39 лет до Пушкина сочинил еще один поэт, дед великого Чарльза Дарвина – Эразм Дарвин. Будучи довольно известным натуралистом, он тем не менее тоже поверил в легенды об этом дереве и изобразил его чудовищный лик в поэме «Ботанический сад». На русский язык, кажется, она не переведена и до сих пор. Пушкин мог читать ее во французском переводе, поскольку прекрасно знал язык этой страны. Но это всего лишь предположение.

Теперь уже ни для кого не секрет, что анчар в природе действительно существует. И даже не один, а несколько видов. Они из того же семейства тутовых, что фикус, хлебное дерево и шелковица. Родовое название – анчар (Antiaris) им дал упомянутый выше Лешено. Худой славой, судя по всему, народная молва наделила анчар ядовитый (Antiaris toxicaria) – стройное вечнозеленое дерево с гладким, без ветвей, стволом и красивым полушарием маленькой кроны. Оно пользуется наибольшей известностью. Листья его простые, яйцевидно-удлиненной формы. Цветки – мелкие, невзрачные, зеленовато-желтые, собраны в плотные округлые головки. Раз-

вивающиеся из них красные мясистые плоды похожи на наши маленькие груши. Их охотно едят птицы. А семенами даже лечат некоторые болезни.

Дерево распространено от Африки до Южного Китая и островов Фиджи в Тихом океане. Высота деревьев примерно такая же, как и у наших сосен, – до 40 метров. Так в справочниках. А вот профессору В. И. Полянскому в южно-китайских тропиках встречались экземпляры и посолиднее – 50-метровой высоты с мощными дисковидными корнями-подпорками, из которых местное население делало колеса, весьма прочные. Окружность такого гиганта у основания составляла около 8 метров, а в поперечнике доходила почти до трех. И таких великанов росло здесь несколько.

Прочие сведения об анчаре созданы человеческой фантазией. Растет он вовсе не в знойной пустыне, а в достаточно комфортных климатических условиях. Главным образом во влажных тропических лесах. Майн Рид утверждает, что в разных местах (на Яве, Целебесе, Бали и Борнео) его называют по-разному: таюм, гиппо, уно, анчар, упас. И все они в переводе означают одно – «дерево яда».

Доля правды в древних описаниях и в народной молве есть. Растение, несомненно, ядовито, но не столь губительно для живого, как в бессмертных строках Пушкина. Млечный сок (латекс) не «каплет сквозь его кору», а может быть выделен (до 250 г в сутки) только через ее надрезы. На воздухе он застывает камедистой массой. Чем старее дерево и чем ниже

сделан надрез, тем сок разрушительнее. На царапинах кожи он вызывает нарывы, опухоли, от которых у чувствительных людей может повышаться температура. Но гораздо больше опасен при непосредственном поступлении в кровь, так как токсичен для сердца.

Ядом в нем, как теперь доподлинно установлено, является гликозид антиарин, похожий на стрихнин. Когда кролику ввели в кровь 0,3 мг этого отравляющего вещества, через 12 минут у него случился сердечный паралич. Аналогичное действие он оказывает и на человека.

Малайцы действительно смазывают соком анчара наконечники боевых стрел для своих духовых ружей (применяли его с данной целью даже в начале XX века), но для большей эффективности добавляют к нему и другие яды. Такое оружие, сдобренное соком упаса, туземцы, кстати, используют и на охоте. Отравленный участок убитого таким способом животного они просто вырезают.

Поверье же о ядовитости самого воздуха вокруг анчара, да еще на многие мили, которые по этой причине якобы свободны от всего живого, – явная выдумка. Человеку, зверю или птице он не причиняет никакого вреда. Ни в тени (наибольшее, как утверждалось, поражающее действие), ни на свету. Живые молодые деревья упаса не раз присылали в ботанические сады Европы, не опасаясь за последствия.

Существует мнение, что Пушкин сам прекрасно понимал надуманность приписываемых анчару ужасов. Но в стихах

можно разглядеть глубинный смысл со скрытым политическим подтекстом. Под образом смертоносного древа поэт подразумевает царившую в верхах власти тиранию. Удушающая атмосфера николаевского времени опустошала все вокруг. Яд клеветы и преследования особенно распространился после выступления в 1825 году и казни декабристов. Пушкин, сочувствовавший им, клеймил своими строками рабство и призывал, по сути, к свержению поработителей.

Но нас все же больше интересует ботаническая основа.

Уже после смерти певца анчара выяснилось, что пресловутое «древо яда» ничуть не страшнее наших обычных ядовитых растений. Но мы не боимся их и не обходим стороной. А содержащие токсические вещества ландыши даже собираем в букетик, нюхаем прекрасные белые цветы и любуемся ими. Без всяких вредных последствий. Снаружи они не представляют никакой угрозы.

У туземного зеленого страшилы потенциальная опасность тоже внутри, да и ту иногда преувеличивают. Ботаник Э. Корнер однажды наблюдал, как плодами анчара (а сок некоторых из них тоже считается ядовитым) с удовольствием лакомились местные ребятишки. Сам он так и не решился последовать их примеру: удержала прочно закрепившаяся за деревом нелестная слава. Она и теперь еще настораживает некоторых, считающих, что нахождение под сенью анчара не всегда может пройти безнаказанно. Хотя, как утверждают другие, сидеть или лежать под анчаром так же безопасно, как

и под нашей отечественной березой.

Одним из первых среди русских ботаников убедился в этом профессор Харьковского университета В. М. Арнольди, когда он в 1908 году по поручению Академии наук посетил знаменитый ботанический сад в Бейтензорге (на острове Ява). Под одним из росших там анчаров он обнаружил специальную скамейку для отдыха. Прохожие присаживались на нее, ничем не рискуя и даже с пользой для своего здоровья. Многие часто и не подозревали, под каким «страшилищем» сидят. Рядом с мнимым деревом смерти росли деревья жизни – хлебные. Они лишний раз подчеркивали, что легендарный сосед ни для кого не представляет реальной опасности.

Позже с анчаром в разных частях света познакомились и другие наши ученые. Многие с удовольствием фотографировались под ним, делали необходимые измерения, проводили некоторые исследования. Без всякой боязни. Так же как и с любым биологическим объектом. Казалось бы, россказням о растениях-вампирах пришел конец.

Но не тут-то было. Они еще долго давали о себе знать. А поразительнее всего то, что нет-нет да и мелькнут в печати в настоящее время. Поэтому есть смысл кое-что добавить к сказанному.

НОВЬ СТАРОЙ ЛЕГЕНДЫ

В заколдованных болотах там кикиморы живут,
защекочут до икоты и на дно уволокут.
Владимир Высоцкий

Легенда об анчаре (с легкой руки Пушкина) – самая знаменитая на тему о зеленых злодеях. Похожие байки возникали и позже, в более близкую к нам эпоху, и были даже пострашнее своей предшественницы. В качестве примера приведем одну из них, получившую, пожалуй, наибольшее распространение в массовой печати и среди населения.

4 января 1925 года в американском еженедельнике American Weekly по явился потрясающий рисунок, который мы воспроизводим ниже. Мы видим на нем мощное приземистое дерево (явно не анчар!), имеющее густую темную крону и напоминающее внешним обликом наш могучий дуб. И двух людей около него, попавших, судя по всему, в опаснейшее положение. Стоящий на крепких корнях монстр явно покушается на жизнь одного из них, оказавшегося поблизости.

Мифическое дерево-людоед

Ветви зеленого разбойника, подобно щупальцам осьминога, пытаются обхватить голову, руку и ногу своей жертвы. Находящийся позади туземец изо всех сил тянет незадачливого прохожего (а возможно, попутчика) подальше от неминуемой смерти. И оба с ужасом взирают на простертые к ним (отнюдь не для дружеских объятий) хищные гибкие крюки. Жуткую сцену эффектно дополняют многочисленные чере-

па и кости, разбросанные там и сям вокруг узловатого ствола.

А чтобы исключить всякие сомнения в коварном намерении растения, рисунок был подписан: вырван из цепкой хватки дерева-людоеда (вот во что усилиями новых фантазеров трансформировался мифический пушкинский анчар, реально существующий в природе!). Впрочем, это достаточно хорошо понятно и без разъяснений. У слабонервных при виде такой картины, наверное, мурашки пробегали по телу.

Эхо той американской публикации, перепечатанной и в других странах и переполошившей легковерную публику, докатилось и до наших дней. Вот фрагмент одной из заметок, появившихся в 1955 году в ряде местных газет Советского Союза: «Человек, идущий впереди, услышал сильный шелест, заглушивший крик отчаяния, и, обернувшись, успел заметить, как огромные листья красивого дерева-цветка, лежавшие на земле, взлетели кверху и захлопнули свою жертву. Через 10 дней, когда оставшийся в живых путешественник привел на это место жителей ближайшего поселения, смертоносные листья вновь лежали на земле, а от человека остался только скелет. Страшное дерево буквально сожрало жертву, случайно коснувшуюся предательски раскинутых листьев».

Легенды живучи. Самую свежую автор прочитал в 1997 (!) году и думал, что она последняя. Заметка называлась «Рыбака съел… куст». В ней абсолютно серьезно говорилось о

кровавой расправе некоего растения над человеком. Назывались даже полная его фамилия и место жительства. А также точное место происшествия.

Случилось это не в дебрях Африки, Азии или Южной Америки, а в сибирской тайге. Беднягу (выпившего вечером в рыбацкой компании и отлучившегося по малой нужде) протрезвевшие собутыльники обнаружили только утром в зарослях густого кустарника, который, ничтоже сумняшеся, и обвинили в преступлении.

Дальше цитирую дословно: «Оплетенное толстыми ветвями, бездыханное тело было полностью обескровлено. Крупные мясистые листья со множеством присосок буквально облепили несчастного и высосали всю кровь». Вот, оказывается, какие ужасные оборотни обитают в зеленом мире. Надо держаться от них подальше, а лучше всего вообще не ходить в лес, как иронически заметил один мой приятель.

Для большей убедительности здесь же приводился комментарий ученого-биолога, который не исключает появления при экологических катастрофах растений-мутантов (надо думать, что и сверхъестественных, не вписывающихся в известные законы природы). Предположение, конечно, интересное, как шутят юмористы. Правда, остается неясным, какое отношение это имеет к данному случаю. Ведь не набросился же куст-вампир на остальных участников рыбацкой компании, когда они к нему подошли. Был уже сыт? Но скорее всего, что и дальше он вел себя также смирно.

С ботаническими домыслами, как оказалось, полностью не покончено и в наши дни. Открыв в 2008 году один из толстых российских журналов о природе, я, к удивлению, вновь столкнулся на его страницах со старыми знакомыми – вампирами зеленого царства, которым приписывается не только поедание мелкого животного народца, но и нападения на крупных животных и человека. Причем даже не ради питания, а по каким-то неясным причинам, неведомым науке.

Все эти утверждения базируются на старой литературе. Современная же наука однозначно свидетельствует: растений-людоедов в природе нет. По меньшей мере, они неизвестны современным людям. О более ранних эпохах можно только гадать.

Но, как говорят в народе, дыма без огня не бывает. Журналист Сергей Кулик убедился в этом в далеком Мадагаскаре. На примере экзотических растений, растущих в труднодоступных районах «великого острова» («Наука и жизнь», 1980, № 10).

Вот что он рассказывает.

Растет в глубине острова настоящее зеленое диво – гарпагофитум, именуемое в народе гораздо проще и понятнее – «когтистое дерево». Его гибкие, спускающиеся до самой земли ветви раскачиваются на ветру, как на шарнирах. Словно десятки движущихся змей. На концах этих причудливых веток накануне сухого сезона формируется еще одно чудо – семенные коробочки наподобие капсул. Помимо основного

назначения, они берут на себя заботу и о распространении семян.

«Устройства эти поистине адские», – свидетельствует автор. Они как бы сотканы из множества рыболовных крючков и легко вонзаются во все живое. Одно неосторожное движение – и животное оказывается крепко схваченным цепкими растительными когтями. Отделаться от них непросто. Малейшая попытка освободиться приводит к обратному результату: сотням, а то и тысячам новых зацепов, смотря на то, сколь резво животное будет трепыхаться в зеленом плену.

Коварная ловушка держит намертво. В страшных объятиях растительного агрессора гибнут не только маленькие грызуны, любители вкусных семян, но даже молодые кабаны и антилопы. В равной мере опасны они и для человека.

Ни это ли древесное растение проложило путь распространенному мифу о хищном зеленом великане – «ананасе», обитающем в дебрях тамошних джунглей? Согласно дошедшим до нас преданиям у этого толстого конической формы дерева было восемь огромных листьев, снабженных с поверхности шипообразными крючками. И на конце каждого листа находился острый рог. Кроме этого, в кроне имелось что-то наподобие щупалец, нервно-блуждающих в воздухе. Все это очень напоминает описанные выше устройства, приспособленные для охоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.